

Разруха и предлагаемые подходы к реформированию экономики Сибири накануне и в 1917 г.

М.В. ШИЛОВСКИЙ, доктор исторических наук,
Новосибирский государственный университет, Институт истории СО РАН.
E-mail: istorik.novosib@gmail.com

В статье раскрываются основные элементы разрухи и деструктивного поведения (дороговизна, рост недоимок, массовые порубки леса, самогонование, самосуды) в военной повседневности Сибири накануне и в 1917 г. Устанавливается, что предпринимательские круги региона придерживались оборонительной тактики. В ходе борьбы за власть под областническими лозунгами консолидировались социалистические группировки. Они выступали за автономию региона во главе с Сибирской областной думой, ликвидацию частной собственности на землю, объявление земельного фонда общенародным достоянием, предназначенным преимущественно для пользования старожилами и аборигенами.
Ключевые слова: разруха, сибирское областничество, предприниматели, крестьянство, кооперация, автономия, Сибирская областная дума

Сибирь накануне 1917 г.

Январь 1917 г. Россия встретила в состоянии своеобразного оцепенения. Внешне все выглядело спокойно, но существенно ухудшились элементы военной повседневности в тылу (дороговизна, тотальный дефицит, качество медицинских услуг, рост преступности и т.д.). Цены на продовольствие и потребительские товары начали расти с августа 1914 г. Например, к февралю 1917 г. в Томске они увеличились: на ржаную муку – на 320%, свинину – на 477%, ситец – на 280%, шерстяные ткани – на 775%. С осени 1915 г. начинаются перебои с продажей муки, в 1916 г. исчезает из свободной продажи сахар. Ситуация усугублялась реквизициями мяса и сливочного масла для армии по установленным властями ценам. Сложившееся положение пытались разрешить путем ограничения потребления, введением «мясопустных» дней: во вторник, среду, четверг и пятницу запрещалась продажа мяса и мясопродуктов.

Рост цен местные власти пытались ограничить установлением предельных цен (таксы). Поскольку и данная акция ситуацию не переломила, во второй половине 1916 г. в Томске вводятся карточки на сахар, а с января 1917 г. в этом городе, как и в Новониколаевске и других крупных сибирских городах, начинают нормировать продажу муки. Но карточки отоваривались несвоевременно, что порождало очереди и массовое недовольство, переросшее к концу 1917 г. в «эксцессы». Так, 23 ноября при обмене старых карточек на новые произошло «оскорбление действием» по отношению к членам продовольственного комитета Томска. Пострадали и «служащие барышни», выдававшие новые карточки: «одну ударили по голове табуреткой, другую несколько раз стукнули головой об стол».

Помимо общероссийский факторов обострения кризиса накануне 1917 г. за Уралом разрушительную роль сыграли региональные. Массовые переселения породили противостояние старожилов, новоселов и аборигенов, проявлением которого стало восстание в Средней Азии и Степном крае в 1916 г. Национальный вопрос обострило формирование у отдельных этносов национальных элит и национального самосознания. Следствием массовых призывов в армию (половина трудоспособных мужчин) стало появление мощного маргинального слоя фронтовиков, своей активностью повлиявших на процессы установления Советской власти, развертывание партизанского движения против белых, а затем возглавивших антикоммунистические выступления 1920–1921 гг.

Существенное воздействие на поведение крестьян оказал процесс деградации власти. Во время войны резко возрастает количество случаев публичного оскорбления личности монарха и правящей династии. В какой-то степени отношение сибирской деревни тогда выразил крестьянин Кондратов, заявивший, что «власть, при которой пачка спичек стоит 25 коп. [при довоенной 1 коп.– *М.Ш.*], да и ту нигде не купишь, надо уничтожать» [1].

Точкой консолидации оппозиционных политических группировок Сибири продолжала оставаться борьба за земство. Региональная специфика заключалась в том, что Сибирь являлась основным местом политической ссылки. По разным подсчетам, здесь к 1917 г. их находилось от 6,4 до 8,6 тыс. чел. Поэтому

наличие опытных кадров в лице политических ссыльных, проникших в солдатскую среду, позволило радикалам в считанные дни после свержения самодержавия покрыть регион сетью своих организаций, взять под контроль гарнизоны, Советы, создать периодические издания и начать борьбу за власть.

Революция в одном уезде

Ослабление власти, обострение экономического кризиса в 1917 г. способствовали усилению деструктивных тенденций. Продемонстрируем это на примере Каинского уезда Томской губернии, который занимал территории современной Новосибирской области к западу от Новосибирска (Новониколаевска) [2]. В волостях уезда и трех городах – Каинск (Куйбышев), Барабинск, Татарск – проживало более 400 тыс. чел. (10% населения губернии). В марте в с. Таскаево крестьяне стали призывать не платить подати, отказаться от материальной поддержки церкви (внесение руги), прекратить исполнять земские повинности, например, ямскую гоньбу. За первый квартал 1917 г. по уезду из общей суммы недоимок и окладных сборов в 166994 руб. поступило только 4434 руб., или 2,6%. В апреле крестьянские общества Западной Сибири начинают захват земельных наделов приходских храмов, с июня осуществляются массовые порубки казенного леса и захваты сенокосов.

Тотальный дефицит заставляет местные органы власти действовать с использованием более жестких административных методов. 30 октября 1917 г. Таскаевское волостное земское собрание принимает решение о реквизиции газомоторной мельницы в связи с саботажем ее владельцев. До 18 февраля 1918 г. Каинская городская дума вынесла постановление о муниципализации электрической станции с находящимся при ней кинотеатром. Более решительно действовали советские органы. 23 февраля того же года исполком совета в том же Каинске наложил контрибуцию на капиталистов города в размере 500 тыс. руб., угрожая в случае ее невнесения в течение недели конфисковать имущество и отправить неподчинившихся работать на Анжерские каменноугольные копи. В конце апреля Шипицынский волостной совет крестьянских депутатов постановил взыскать с местных буржуазных элементов контрибуцию в размере 20 тыс. руб.

Пожалуй, главным деструктивным проявлением революционной повседневности стало массовое самогонварение и пьянство. Согласно информации с мест, в том же уезде в с. Верх-Майзасское действовало около 20 винокуренных заводов (в апреле 1918 г. – уже 30). Массовое самогонварение фиксируется в с. Осиновское, а в с. Казаткульское собрание обвинило членов волостного комитета в пьянстве и взяточничестве. В июне 1917 г. Иткульский волостной комитет устроил даже торги, на которые выставили несколько аппаратов для выделки вина, отобранных у винокуров.

Со злом пытались бороться. В с. Крутой Лог уже 12 марта 1917 г. волисполком постановил воспретить по всем селениям винокурение. В феврале 1918 г. уездное земское собрание решило принять все меры по борьбе с самогонварением. В январе того же года в пос. Анга Нижне-Каинской волости вооруженным отрядом из Каинска обнаружено 28 самогонных аппаратов. В с. Бочкаревское в начале апреля сельский сход принял решение накладывать на самогонщиков штраф до 500 руб.

Разгул преступности, ослабление правоохранительных органов в результате ликвидации полиции породили всплеск самосудов, прежде всего над ворами и конокрадами. Так, 5 июля 1917 г. в с. Купино толпой крестьян избиты шесть человек (конокрады, воры, самогонщики). Двое из них скончались. Типичная ситуация в подобных случаях имела место в с. Убинское: «Сельским обществом устроен самосуд над крестьянином С. Антоновым, подозреваемым в краже лошади у крестьянина Н. Алферова. На подозреваемого надели хомут, шлею, узду, седло и дугу и в таком виде водили по улицам». 29 марта того же года на площади в г. Каинске забили до смерти подозреваемого в убийстве четырех женщин.

Предприниматели региона в социальном катаклизме

Значимые изменения происходят накануне и в ходе социального катаклизма в предпринимательской среде региона. С одной стороны, уменьшилось число гильдейских купцов, а с другой – увеличивается количество включенных в рыночные отношения. Реформа 1898 г. позволила заниматься торгово-предпринимательской деятельностью, не выбирая гильдейских свидетельств,

а только выкупая промысловые на право открывать торговые или промышленные предприятия.

Наряду с активным включением в предпринимательскую деятельность крестьян и мещан активно шло создание акционерных объединений. Процесс сопровождался появлением на одном полюсе акционеров-рантье, отстраненных от принятия управленческих решений, а на другом – топ-менеджеров (директоров, управляющих, технических директоров и т.д.), активно осуществляющих представительские и общественно-политические функции.

Яркий пример подобного рода трансформации являл Новониколаевск. Экономическую основу поселения составляли 1,5 тыс. торговых заведений и 300 товарных складов. Развитию торгово-транспортных функций способствовало открытие товарной биржи и шести отделений центральных банков. В 1909 г. здесь выдается 2325 промысловых свидетельств на право заниматься торгово-промышленной деятельностью, в 1910 г. – 2828. Еще одной специфической чертой торгово-распорядительного (логистического) комплекса во время Первой мировой войны становится превращение Новониколаевска в кооперативную столицу Сибири.

Кооперативные объединения стали «крышей» и центром концентрации радикалов. Не случайно мариинский уездный исправник в декабре 1916 г. доносил: «Очагом противоправительственных идей является Мариинский союз кредитных товариществ, во главе которого стоят люди с большим политическим прошлым...». А жандармы в политическом обзоре Иркутской губернии в октябре 1916 г. высказали следующий прогноз: «В последнее время есть основание предполагать, что захват власти будет сделан не революционными подпольными организациями, а легальными кооперативными обществами, непрерывно возникающими и объединяющимися в союзы, причем руководящую роль во всех таких объединениях играют социал-демократы и социалисты-революционеры» [3].

У предпринимателей Сибири в 1917 г., как и ранее, имелась сеть структур и каналов воздействия на общественно-политическую ситуацию, которая накануне и после Февральской революции расширилась за счет комитетов общественной безопасности, земских учреждений, военно-промышленных комитетов, общественных неполитических объединений.

Так, 17 июня 1917 г. Временное правительство постановило ввести земство в губерниях и областях Сибири. Земские учреждения должны были функционировать на уровне губерний (областей), уездов и волостей. В их компетенцию входило 22 направления, среди которых наиболее важными являлись заведывание земскими повинностями (денежными и натуральными), а также капиталами и другим своим имуществом, борьба с дороговизной (выдача пособий, устройство продовольственных лавок и пекарен, содействие возникновению потребительских обществ), содержание находящихся в их ведении дорог, пристаней, земской почты, телефонной связи, паровозных сообщений, заведывание лечебными и социальными учреждениями, образованием, пожарными командами, содействие развитию торговли, кустарным промыслам, создание кредитных учреждений, проведение статистических обследований, участие в организации переселений, поддержание личной и общественной безопасности и руководство милицией.

Если говорить о политической активности предпринимательских кругов Азиатской России после свержения самодержавия, то она отличалась оборонительной тактикой, стремлением защитить свои интересы, прежде всего от посягательств слева. Уже 6 марта в Томске по поручению комитета общественной безопасности прошли обыски в магазинах и на складах В.Г. Гадалова, А.А. Фильберта, Кукушкина на предмет изъятия продовольствия и ширпотреба; 11 марта по распоряжению комитета в Мариинске производится реквизиция различных товаров у местных купцов.

Следующей крупной проблемой стало введение 8-часового рабочего дня, необходимость которого декларировалась в программах левых и либеральных партий. В оптимальном варианте до середины марта 1917 г. в Томске владельцы предприятий А.М. Васильев, Г.И. Фуксман, Вытнов добровольно установили 8-часовой рабочий день. Более жестко действовал Новониколаевский Совет рабочих и солдатских депутатов, который 27 марта объявил о его введении на всех предприятиях города. В ответ на аналогичное решение Омского Совета общее собрание промышленников города 9 апреля единогласно постановило «ввести немедленно 8-часовой рабочий день в тех предприятиях, где работа производится свыше, с сохранением той же поденной платы», а там, где «работы производятся свыше 8 часов и данное предприятие находит нужным время производства работ сохранить прежнее», за сверхурочную работу устанавливается полуторная плата.

По мере укрепления позиций большевиков в советах и ухудшения экономического положения усиливается прессинг на предпринимателей, сопровождаемый решительным пресечением их

пассивного сопротивления. Неравную борьбу за отстаивание своей собственности и права самостоятельно принимать управленческие решения пытались вести отдельные представители торгово-промышленного сообщества региона. Так, проживающий в Москве владделец Судженских копей Л. А. Михельсон отказался в начале июня 1917 г. выполнить требование Томского исполкома Совета сместить назначенного им директора копей, а 6 июня телеграммой указал ему, что «денежные требования копей достигли небывалых размеров, причем суммы исполнительные для оплаты рабочим не соответствуют размерам добычи применительно к введенным нормам заработков». 17 августа он отказался финансировать Совет рабочих и солдатских депутатов за счет своего предприятия. Наконец, 12 января 1918 г. собственник обратился в Томский губернский совет рабочих депутатов с требованием ограничить права рабочих организаций на копях, «которые вмешиваются в деятельность администрации и мешают организации работ». Не случайно 11 мая 1918 г. Совнарком принял решение о национализации Анжерских копей.

Специфика борьбы за власть

В ходе социального катаклизма все участвующие в политическом процессе объединения начинают борьбу за власть и реализацию своих программных положений, существенно обновленных в 1917 г., в том числе в экономическом блоке. Региональной особенностью стала консолидация социалистических группировок (эсеры, народные социалисты, кооператоры, земцы, часть меньшевиков, националисты и областники) при руководящей роли эсеров и под областническими лозунгами. Главные из них таковы.

1. Созыв Всероссийского Учредительного собрания, которое «в тот день, когда оно даст демократическую конституцию России, даст Сибири Сибирскую областную думу» [4. С. 145].
2. «Хозяином Сибири должна быть Сибирская областная дума, избранная всем населением» [5].
3. «Вся земля всему трудовому народу, трудящемуся на земле». Подушное наделение земель без различия пола и возраста по трудовой норме без права купли-продажи.
4. Предоставление народам региона культурно-национальной автономии и представительства в Областной думе.

Сами сибирские областники отрицали наличие капиталистических отношений в Азиатской России. «Фабрично-заводская промышленность находится здесь в зачаточном состоянии, и поэтому класс буржуазии недостаточно силен, а кадры городского пролетариата не так значительны», – утверждал К. В. Дубровский [6. С. 6]. Ему вторил А. М. Мейерович: «В Сибири нет еще почвы для крайней формации классовой мысли пролетарского социализма... Пока же этого класса почти в Сибири нет, та группа, которая в Сибири живет продажей своей рабочей силы, настолько деклассирована и случайна, настолько проникнута психологией крестьянства и мещанства мелких городов, что о ней серьезно могут говорить в Сибири только пришлые эсдеки, плохо знающие ее истинную природу или сознательно не понимающие духа диалектического материализма» [6. С. 6; 7].

Основной фигурой местной жизни сторонники движения считали крестьянство. Традиционно отрицалась социальная дифференциация деревни как следствие благотворного воздействия кооперации. «Были кулаки-купцы, – заметил председатель Новониколаевского бюро Сибирского союза независимых социалистов-федералистов Н. П. Литвинов, – но кооперация вытеснила или вытесняет их из деревни». Развивая этот тезис, А. М. Мейерович категорично заявлял: «Кооператизм Сибири глубоко народен, в этом его успех... это кооператизм канадских фермеров, по пути которых несомненно пойдет сибирское крестьянство» [8, 9].

На Первом сибирском областном съезде в октябре 1917 г. в Томске дискуссия развернулась прежде всего по аграрному вопросу. Докладчик эсер Н. Н. Козьмин определил актуальность его включения в повестку форума следующим образом: «Власть немислима без земли». 15 октября принимается резолюция «Земельный вопрос в Сибири», в которой признается необходимость ликвидации частной собственности на землю, весь земельный фонд предлагается считать общенародным достоянием, но предназначенным преимущественно для пользования местного населения. В виде исключения разрешалось применение наемного труда «с гарантией ее охраны».

16 октября делегаты утвердили постановление «Областное устройство Сибири», определяющее статус региона в составе России. Признавая единство Российской республики, документ

требовал для ее частей «автономии национальной или территориальной». При этом законодательно «должны быть обеспечены права национальных меньшинств в местностях со смешанным населением и права наций без территории, путем образования экстерриториальных персонально-автономных союзов».

Сибирь имеет все права на автономию, и в пределах полномочий, определенных центральным парламентом, вся полнота власти должна принадлежать Сибирской областной думе, «избранной на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права». Не забыли делегаты и о щекотливой проблеме границ Сибири, определив их «по водоразделу на восток от Урала, со включением всего Киргизского края, при свободном на то волеизъявлении занимающего эти пределы населения» [9. С. 108].

Итоги

В дальнейшем (1917–1919 гг.) и без того экстремальная экономическая ситуация ухудшилась: усугубляется дефицит продуктов и ширпотреб, начинаются эпидемии, деградирует система образования, усиливаются проявления девиантных отклонений и криминализации. По мере восстановления Советской власти в конце 1919 – начале 1920 гг. «добили» буржуазию, но выжила кооперация, разгромленная коммунистами в 1920-е гг. Правосоциалистические группировки с целью не допустить установления большевизированной Советской власти под областническим лозунгом автономии Сибири на нелегальной сессии Сибирской областной думы в конце января 1918 г. образовали Временное правительство автономной Сибири. Ее преемник Временное Сибирское правительство 4 июля 1918 г. в «Декларации о государственной самостоятельности Сибири» объявило, что оно одно вместе с Сибирской областной думой «являются ответственными за судьбу Сибири, провозглашая полную свободу независимых отношений с иностранными державами, а также заявляет, что отныне никакая власть, помимо Временного Сибирского правительства, не может действовать на территории Сибири или обязываться ее иметь». Правительство отменило декларацию накануне своей самоликвидации в начале ноября 1918 г.

По мере нарастания кризиса колчаковщины «демократическая» контрреволюция активизирует действия, направленные на ликвидацию диктатуры и недопущение восстановления

Советской власти путем создания «буферного демократического образования». По инициативе эсеров и меньшевиков в самом конце 1919 г. был создан иркутский Политцентр. Предполагалось вступить в переговоры с коммунистами и, добившись перемирия, «основать в Сибири демократический строй, исходящий из революции, но отвергающий большевизм».

В конечном счете идея буфера была реализована коммунистами в апреле 1920 г. созданием Дальневосточной республики, правда, с другой целью. В последующем деятельность сторонников областничества продолжилась в эмиграции. М.П. Головачев, П.В. Вологодский, И.А. Якушев, И.И. Серебренников, А.В. Сазонов и другие разрабатывали различные аспекты автономии Сибири с учетом уже опыта советского строительства.

Литература

1. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 411. Оп. 1. Д. 269. Л. 25.
2. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. 2.– Томск, 2013–416 с.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 600. Оп. 1. Д. 992. Л. 69об.
4. Крутовский В.С. М. Сибирь и Февральская революция // Си. (?) Записки (Красноярск).– 1917.– № 2.
5. Свободная Сибирь (Новониколаевск).– 1917.– 11 нояб.
6. Дубровский К.В. От идеалов к действительности (Областническая идея в прошлом и настоящем).– Иркутск, 1917.
7. Мейерович А. Общесибирский съезд и областничество // Иркутская жизнь.– 1917.– 24 авг.
8. Литвинов Н.П. Лукавым и их братья // Свободная Сибирь.– 1917.– 16 апр.
9. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг.– Новосибирск, 2003.